

УДК 341.4

Х. КУРИ,

доктор права, профессор

Университет Фрайбурга, г. Фрайбург, Германия,

О.Ю. ИЛЬЧЕНКО,

кандидат социологических наук, доцент

Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия

ЭФФЕКТИВНОСТЬ НАКАЗАНИЯ: РЕЗУЛЬТАТЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Цель: на основе анализа данных международных исследований показать, что жестокость наказания оказывает незначительный сдерживающий и превентивный эффект на уровень преступности.

Методы: Были использованы метод диалектики как общенаучный метод познания, позволяющий изучать явления и процессы окружающей действительности в их историческом развитии, а также частнонаучные методы, в том числе историко-юридический, системно-правовой, социально-психологический в их различном сочетании.

Результаты: На основе проведенного анализа существенного объема трудов в области уголовно-процессуального, уголовного, международного права, криминалистики, теории государства и права, а также результатов исследований, проведенных в США, Финляндии, Германии, Швейцарии, Португалии и России, показано незначительное влияние применения наказания на уменьшение масштабов преступности.

Научная новизна: На основе анализа эмпирических исследований показано, что наказание как способ регуляции и профилактики нежелательного поведения членов общества используется с древних времен. Жестокие санкции широко использовались уже во времена Средневековья. В настоящее время эффективность применения наказания подвергается сомнению. Альтернативные санкции, как правило, являются столь же успешными, а их применение обходится дешевле.

Практическая значимость: Сформулированные в исследовании теоретические положения могут быть использованы в научной, законотворческой и правоприменительной деятельности, учебном процессе учреждений высшего профессионального образования юридического профиля, при повышении квалификации практических работников и научно-педагогических кадров в области юриспруденции, а также в законотворческой деятельности.

Ключевые слова: уголовное наказание; эффективность наказания; уровень преступности; лишение свободы; освобождение после тюремного заключения.

1. Введение

С давних времен наказание используется с целью предотвращения нежелательного и особенно преступного поведения. Так, например, в Библии для грешников предусмотрена жестокая кара – вечное проклятье.

«Принимая во внимание, что уже в Библии представлены возможные прямые или косвенные последствия конкретных форм поведения, такие как великое благодеяние, или как наказание (например, ад) <...>, то с высокой степенью вероятности можно утверждать, что с библейских учений начинается эпоха наказания» [1, p. 25].

И по сей день сторонники широкого применения наказания часто цитируют слова из Библии: «Господь, кого любит, того наказывает; бьет же всякого сына, которого принимает»¹.

Таким образом, наказание в процессе воспитания, образования в юриспруденции, теологии и философии рассматривается как средство, с помощью которого можно достичь изменения поведения. Многие популярные детские книги описывают последствия детского непослушания. Например, в известном произведении Вильгельма Буша последняя проделка Макса и Морица заканчивается тем, что фермер ловит мальчишек и относит к мельнику в мешке, прося перемолоть их. Мельник так и делает, а размельченных Макса и Морица склевывают утки. В заключении книги особо подчеркивается, что о гибели двух сорванцов никто из жителей деревни не горевал. «Когда они услышали это в деревне, не было и следа грусти ... Слава Богу! Теперь все кончено!» [2, Band I, p. 225].

¹ Die Bibel: Altes und Neues Testament. Einheitsüberset-

zung. Freiburg u.a.: Herder.

В связи с этим представляется закономерным, что в Средневековье наряду с укреплением и распространением христианства широкое применение получили наиболее жестокие виды наказания, особенно по отношению к «еретикам». Именно в этот период использование жестоких телесных наказаний после многих дней беспощадных пыток «вошло в моду». Предполагаемых ведьм и колдунов топили, сжигали, варили, вешали или хоронили заживо [3, р. 267; 4; 5; 6, р. 136]. Трудно представить более жестокие меры наказания, чем те, которые применялись к преступникам и грешникам в Средние века.

В то же время следует отметить, что по отношению к наказанию никогда не существовало однозначных подходов. Так, еще 250 лет назад Беккариа писал, что следует «преступления предотвращать, чем наказывать их» и средство уголовного предупреждения нужно видеть в том, чтобы «вознаграждать добродетель» [7, р. 107]. За 40 лет до этого Джонатан Свифт в романе «Путешествия Гулливера» подчеркивал, что законопослушные жители страны Лиллипутии получают «право на определенные привилегии».

Однако наказание как метод воспитания, в психологической и педагогической ценности которого сомневались уже во второй половине прошлого столетия, у некоторых современных специалистов, похоже, вновь находит поддержку. Например, Бueb подчеркивает, что «кто справедливо воспитывает», должен быть также «готов наказывать» [8, р. 107].

Так, право родителей наказывать детей физически (телесное наказание) было отменено в Германии лишь в ноябре 2000 г. Параграф 1631 п. 2 Гражданского кодекса Германии был изменен и имеет в настоящее время следующую формулировку: «Дети имеют право на воспитание без насилия. Физические наказания, психологическое насилие и другие меры, унижающие достоинство человека, являются неприемлемыми».

Что касается уголовного наказания, то Клиар подчеркивает: «Сегодня тюремное заключение рассматривается как простое решение проблемы социального контроля, что ведет к уменьшению его роли в стратегической борьбе с преступлениями. Корректировка системы наказания не будет достаточной мерой, скорее, требуется основательное переосмысление концепции борьбы с преступностью» [9, р. 124].

Эйснер, сравнив динамику убийств в 5 европейских территориях (Англия, Нидерланды и Бельгия, Скандинавия, Италия, а также Германия и Швейцария) с 13-го и 14-го столетия до сегодняшнего дня, пришел к выводу, что в настоящее время, по сравнению со Средними веками, наблюдается значительное снижение числа убийств, примерно 1 к 20, и это на фоне колоссального смягчения применяемых мер наказания [10]. Беккариа подчеркивал: «В странах и во временах с самыми жестокими наказаниями совершаются самые кровавые и самые бесчеловечные преступления» [7, р. 47].

Очевидно, что такие общественные условия, как социальная защита, вовлечение маргинальных групп в общество, справедливое распределение доходов, регуляция рынка труда, социальная поддержка семьи и детей существенно влияют на уровень преступности. Том и Биркел на основании анализа развития преступности (убийств, причинения увечий, грабежей, изнасилований) в Германии, Англии и Швеции с 1950 по 2000 гг. указывают: «Социальное неравенство и эксклюзия способствуют росту насильственных преступлений» [11, р. 403].

В данной статье представлены результаты международных исследований об эффективности/неэффективности влияния наказаний на уровень преступности, а также предложен ответ на вопрос о том, почему уголовные санкции не оказывают никакого или лишь незначительное влияние на динамику преступности. Завершается статья обсуждением и выводом.

2. Оказывает ли влияние жесткость наказания на уровень преступности?

Данная часть работы посвящена поиску ответа на вопрос, приводит ли ужесточение уголовного наказания к снижению уровня преступности. Мы сосредоточимся на анализе данных эмпирических исследований, в первую очередь на примере США, а также некоторых европейских стран, таких как Финляндия, Германия, Швейцария и Португалия.

2.1. США

США на протяжении многих лет является страной, в которой фиксируется наибольшее количество арестованных. Приблизительно 25% всех заключенных мира содержатся в тюрьмах США, причем в стране проживает примерно 5% населения планеты [12]. Резкий рост численности

заклученных начался в первой половине 1970-х гг., что было связано, как указывают исследователи, со многими факторами, прежде всего, с изменениями в уголовной и политической сферах. Гарланд указывает, что колоссальному росту числа заключенных способствовала совокупность причин [13; 14].

Кроме того, высокому числу лиц, отбывающих наказание в тюрьмах США, соответствует значительная доля осужденных условно. Следует отметить, что система наказания очень сильно отличается в различных штатах США. Кутателадзе в своем исследовании отмечает: «Анализ 44 переменных, проведенный в 50 штатах США, показал, что для американского Юга характерна жесткая карательная система, на Западе преобладает умеренно карательный тип, а Северо-востоку свойственны относительно мягкие карательные меры» [15, р. 159]. Хиндс также отмечает: «Существуют региональные отличия в системе наказания. Хотя во всех штатах меры наказания правонарушителей становятся все более и более жесткими, южные штаты особо выделяются на фоне остальных» [16, р. 58]. По мнению Кульмана, в Соединенных Штатах наблюдается «бум лишения свободы» [17, р. 90].

Принятие «Закона трех ударов» также способствует резкому возрастанию числа людей, заключенных в тюрьмы, а также увеличению сроков наказания для преступников-рецидивистов, не принося желаемого эффекта по снижению уровня преступления [18]. Принятый в Калифорнии в 1994 г. закон является «одним из самых жестоких законов в новейшей истории <...> «Три удара – и ты выбыл» [18, р. 2]. Три четверти населения Калифорнии приветствовали принятие сурового закона, однако позже, после того, как стали очевидными такие последствия, как переполненность тюрем и увеличение затрат на содержание заключенных, общественная поддержка закона уменьшилась.

Предполагалось, что закон будет способствовать уменьшению числа насильственных преступлений, поскольку для преступников-рецидивистов предусмотрено практически пожизненное тюремное заключение. «Основой закона было достижение максимального сдерживающего характера уголовного правосудия и эффекта избирательного воздействия» [18, р. 2]. Тенденции развития преступности, однако, показали, что уровень преступности снизился в последующие годы, хотя снижение произошло во всех штатах независимо от того, был

там введен подобный закон или нет. Закон трех ударов не подтвердил бесспорного сдерживающего эффекта, в лучшем случае его влияние на уровень преступности было незначительным, но привело к увеличению числа арестов. В частности, исследование, проведенное Мэйлсом, показало, что больше всего аресты затронули людей в возрастных группах 30–39 и 40–49 лет [18]. Что касается молодых людей, то, как подчеркивают Мэйлс и Макалайр [19, р. 1]: «Наряду со снижением числа молодых людей, помещаемых в тюрьмы, в Калифорнии уровень преступности в целом снизился на 39%, а уровень преступности несовершеннолетних снизился на 60% (период с 1980 по 2009 гг.). Если в 1980 г. в штате Калифорния молодежь в возрасте от 10 до 17 лет совершала большее количество преступлений, чаще приговаривалась к лишению свободы, чем взрослые в возрасте 18–69 лет, то в настоящее время пропорции равны: лишь один из двадцати подростков в возрасте 10–17 лет, так же как и один из двадцати взрослых, подвергаются тюремному заключению, т.е. для современной молодежи характерны более низкие показатели совершения преступлений и ограничения свободы» [19; 20, р. 1].

Анализ данных ясно указывает на то, что города и штаты, которые решительно и неумолимо вводили «Закон трех ударов», не ощутили более значимого снижения в какой-либо из категорий преступлений, чем от применения менее решительных административных единиц. Отсутствие существенных различий в уровне преступности наблюдается даже несмотря на то, что шесть крупнейших штатов воспользовались законом в 2,2 раза чаще, чем шесть штатов, которые приняли закон последними.

Еще более примечательно, что в Сакраменто и Лос-Анджелесе, которые в семь раз чаще используют «Закон трех ударов», не отмечено большее снижение количества совершенных преступлений, чем в Аламеде и Сан-Франциско, редко использующих указанный закон.

«Фактически в Сан-Франциско, используя «Закон трех ударов» наиболее умеренно, зарегистрировано большее снижение числа тяжких преступлений, в том числе убийств, чем в шести округах, прибегающих к применению закона наиболее часто» [18, р. 9].

К декабрю 2010 г. почти 50 тысяч жителей Калифорнии были арестованы на основе применения «Закона трех ударов», при этом средняя

стоимость содержания одного заключенного достигала 46 700 долларов в год. Проведенный в 2004 г. опрос показал, что подавляющее большинство калифорнийцев проголосовали бы за ограниченное использование «Закона трех ударов» с условием применения его только для наказания лиц, совершивших серьезные деяния [21, р. 5].

Ужесточения применения наказания в США часто связывают также с введением политики «нулевой толерантности», принятой в Нью-Йорке и широко обсуждаемой в других странах, в том числе в Германии [22]. Режим нулевой толерантности предусматривает жесткое наказание за любой проступок, например за загрязнение окружающей среды (выбрасывание сигареты на мостовую), для того чтобы предотвратить «непорядок». Однако, детальный анализ показал, что спад преступности в Нью-Йорке начался за годы до внедрения политики нулевой толерантности. Снижение преступности произошло в одно и то же время не только в Нью-Йорке, но и в других крупных городах Америки, таких как Сиэтл, Бостон, Даллас и Лос-Анджелес, в которых не осуществлялась программа [23].

Кроме всего прочего, группа ученых под руководством Мэйлса занималась поиском корреляции (зависимости) между числом произведенных арестов и динамикой преступности с 1995 по 2005 гг. в штатах Калифорния и Техас, в которых политика в отношении наказания имеет существенные отличия [24].

Так, в Техасе в течение этих 11 лет число арестованных молодых людей, задерживаемых за насильственные преступления, увеличилось на 48%, тогда как этот показатель в Калифорнии снизился на 75%. Если уровень арестов в Калифорнии в 1995 г. составлял 263,5 на 100 000 жителей, то в Техасе он был равен 118,5, однако в 2006 г. этот показатель составил лишь 65,7 в Калифорнии и возрос до 175,7 в Техасе. В тюрьмах Техаса содержатся 18% молодых людей моложе 15 лет, в Калифорнии этот показатель составляет менее 1%. Кроме того, некоторые молодые люди в Техасе (152) были помещены в тюрьмы для взрослых, чего не наблюдалось в Калифорнии. В целом, в Техасе большее количество молодых людей арестовывалось за меньшее количество преступлений, в Калифорнии, напротив, молодежь реже подвергалась аресту, и в основном за совершение тяжких преступлений. Таким образом, в Техасе на протяжении нескольких

лет большее количество молодых людей подверглось более жестокому наказанию [24].

Если мы теперь снова вернемся к влиянию жестокости наказания на тенденции развития преступности, то увидим, что суровость наказания практически не оказывает воздействие на уровень преступности среди молодых людей в обоих штатах. Уровень арестов в обоих штатах снизился приблизительно на 51%, что соответствует общей тенденции в США и других странах. Показатель уровня лишения свободы в Калифорнии в 1995 г. был равен 2 773,8 (в Техасе – 2767,8), а в 2005 г. он снизился до 1 357,1 и (1 365,6 в Техасе соответственно).

На основе этих и других данных Мэйлс делает вывод: «Изучение преступности по годам в историческом контексте показывает, что наказание в виде лишения свободы не влечет за собой снижение уровня преступности несовершеннолетних... В соответствии с теорией ограничения значительно более высокие показатели лишения молодежи свободы в Техасе должны были привести к немедленному уменьшению уровня преступности по сравнению с Калифорнией. Однако исследование ясно показало, что никакого значимого изменения уровня преступности не произошло» [24, р. 5].

Снижение частоты и длительности арестов способствует сбережению огромных финансовых ресурсов, что в период финансового кризиса является немаловажным. По сравнению с 1980-ми гг. в 2010 г. издержки на систему уголовного правосудия увеличились в США более чем в два раза [12, р. 5]. Что касается Калифорнии, то число арестованных следует сокращать в этом штате уже только по финансовым причинам, потому как бюджету становится все труднее и труднее выносить такое финансовое бремя. В Калифорнии годовые затраты на содержание молодежной уголовно-исполнительной системы составляют 125 000 долларов США. Как подчеркивают Леон и Тежи, учитывая текущий финансовый кризис в стране, срочно необходимы реформы всей системы судов по делам несовершеннолетних [25, р. 1]. «Выбор очевиден: должно ли государство продолжает работать с разобщенными и дорогими остатками государственной молодежной исправительной системы, которая является реликвией 19-го в. или же оно должно решительно двигаться в 21-м в. в сторону перераспределения ресурсов, развития полного набора услуг ювенальной юстиции на местном уровне» [25, р. 5].

Вместе с тем Мэйлс и Макалайр подвергают сомнению идею, получившую широкое распространение в кругах общественности и даже среди некоторых экспертов о том, что в последние годы преступность среди несовершеннолетних чрезмерно возросла, стала иметь более жестокий характер, а убийцы стали значительно моложе. «Иногда о молодежной преступности говорят как о явлении, имеющем тенденцию к повышению, но такие заявления носят популистский характер» [20, р. 1]. Ученые на основе глубокого всестороннего анализа пришли к противоположному выводу [20, р. 3]: «За последние 40–50 лет средний американский преступник, совершивший насильственное преступление, стал старше, не моложе. Преступность несовершеннолетних стала носить существенно менее серьезный характер, это в большей мере проступки, а не уголовные деяния, с применением меньшего насилия и убийств, чем 50 лет назад. Вероятность, что современный среднестатистический подросток станет убийцей или совершит другое серьезное преступление значительно меньше, чем у подростка 1960-х, 70-х, 80-х или 90-х гг. Снижение, произошедшее за последние 10–15 лет, выглядит внушительным как в абсолютных, так и в процентных показателях по сравнению с преступлениями, совершенными взрослыми [20, р. 3].

Активные дебаты и жаркие споры, прежде всего, между учеными-криминологами и политиками в США вызывает также вопрос об уголовно-превентивной эффективности смертной казни. Из 50 штатов США 33 по-прежнему практикуют смертную казнь, прежде всего, Техас, Вирджиния, Оклахома. В США с 1976 по 2012 гг. 1 320 человек были казнены, из этого числа 492 (37%) – в Техасе, 109 – в Вирджинии и 102 – в Оклахоме. Таким образом, только на эти 3 штата приходится 53% от общего числа казненных [26; 27, 2012]. В 2010 и 2012 гг. было казнено по 46 человек, в 2011 г. – 43 человека; при этом в 2012 г. – 72% (31 человек) – в южных штатах, примерно половина из них – в Техасе. На фоне пристального внимания общественности к данному вопросу, а также благодаря национальной и международной критике число казней уменьшилось (для сравнения в 1999 г. было казнено 98 человек). Как подчеркивается в докладе Информационного Центра по вопросам смертной казни: «Число вынесенных смертных приговоров в 2012 г. является самым низким с 1976 г.».

Опрос, проведенный в 2010 г. Информационным центром, показал, что 33% населения поддерживают применение смертной казни, 39% выступили за «жизнь без права досрочного освобождения и помилования», 13% отметили «жизнь без права досрочного освобождения» и еще 9% выбрали «жизнь с правом на условно-досрочное освобождение». Это означает, что в общей сложности 52% респондентов выступают против смертной казни, но за вынесение приговора о пожизненном заключении без возможности пересмотра дела, возможности выхода на свободу когда-нибудь вновь, хотя еще в 1978 г. в Калифорнии 71% населения поддерживали смертную казнь. Возможно, на изменение общественного мнения повлияли данные исследований, которые продемонстрировали отсутствие у смертной казни эффекта предупреждения преступности, а также неоднократные случаи лишения жизни невинных людей. Итак, число вынесенных приговоров «смертная казнь» составляет в южных штатах – 60 (на 1 млн жителей), в северо-восточных – 38, в то же время если ранее в исполнение приводилось 82% приговоров, то сейчас 0,3% [27, р. 1].

Обобщив результаты опроса ведущих криминологов относительно вопроса о предполагаемой большей эффективности смертной казни по сравнению с другими жесткими санкциями, Раделет и Лакок пришли к выводу, что «полученные результаты эмпирических исследований, проведенных ведущими криминологами, безоговорочно поддерживают вывод о том, что смертная казнь не имеет дополнительного сдерживающего эффекта для тех, кто уже приговорен к долговременному тюремному заключению» [28, р. 489]. Еще в 1970-е гг. Американская общественность верила в устрашающее действие смертной казни. По данным Галоп, проведенном в 1985 г., 62% населения думали, что смертная казнь способствует снижению совершения убийств, однако в 2006 г. такого мнения придерживались уже лишь 34% [28, р. 492]. Некоторые авторы указывают на совершенно обратное явление, так называемый «Эффект озверения», суть которого заключается в том, что после совершения казни количество тяжких преступлений возрастает. Так, например, Боурс и Пирс считают, что в штате Нью-Йорк каждая казнь способствовала увеличению числа убийств, совершенных в течение следующих нескольких месяцев после экзекуции [29, 1980].

Следует отметить, что за последние 40 лет в Соединенных Штатах Америки число заключенных увеличилось более чем на 2 млн человек. Резкое увеличение числа заключенных привело к необходимости строительства новых тюрем. Строительство и эксплуатация тюремных учреждений все более и более переходит в частные руки, что приводит к процветанию «Тюремной индустрии». «Строительство тюрем быстро стало процветающим бизнесом» [12, р. 4]. То, что личный интерес лежит в основе развития – это естественно. Те, кто строят тюрьмы или являются их собственниками, стремятся развивать бизнес, заинтересованы в новых заключенных, а также в снижении затрат и максимизации прибыли. При такой идеологии бенефициары «тюремной индустрии» могут быть совсем не заинтересованы в сокращении числа заключенных. Шелден так комментирует отчеты о пустых местах в тюрьмах штата Южная Каролина: «Такие простои – плохие новости для корпораций <...>, которые зависят от стабильных поставок заключенных» [12, р. 17]. «Тюремное заключение является огромной индустрией в Соединенных Штатах. Около 69 млрд долларов тратится каждый год на содержание уголовно-исполнительной системы» [12, р. 2]. В 1990-х гг. в США были открыты 371 новых тюрем [12, р. 4]. «Тюрьмы – это «рынок» для получения прибыли» [12, р. 3]. «В течение первого, подходящего к концу десятилетия XX в., Соединенные Штаты сталкиваются с растущим кризисом лишения свободы, который грозит привести к беспрецедентным финансовым проблемам практически для каждого штата и большого города в стране». Каждый год в США около \$ 69 млрд будет тратиться на содержание «уголовно-исполнительной системы» [12, р. 2]. Увеличение приватизации тюрем означает «больше прибыли для частного бизнеса» [12, р. 11]. Ожидаемые финансовые выгоды от приватизации для муниципалитетов не оправдались, в большинстве случаев прибыль остается у частных компаний [30; 31].

Лилли и Кнеппер уже 20 лет назад говорили об «исправительно-коммерческом комплексе», который они характеризовали как систему «суб-правительственной политики», альянс между государством и частным бизнесом [32, р. 152]. Они сравнивали систему с «военно-промышленным комплексом», состоящим из отношений «политических сетей», «суб-правительства» или «железного треугольника». «Специальные группы по интере-

сам оказывают сильное влияние на государственную политику в целом и по вопросам уголовного правосудия, в частности ...» [33, р. 5]. Американская «Тюремная индустрия» также давно расширилась. Так, Кристи в своей работе говорила о «контроле над преступностью как индустрии» [34].

2.2. Финляндия

Наиболее ярким примером эффективности/неэффективности жестких санкций является Финляндия [35]. В начале XX в. в этой стране насчитывалось около 100 заключенных, численность которых увеличилась в последующем в связи войной 1915 г. К 1950 г. количество осужденных составило 187 человек. По сравнению с данными других стран Северной Европы, такими как Дания (88), Норвегия (51) и Швеция (35) уровень заключенных в стране был почти в три раза выше. Санкции и наказания, выносимые финскими судами, были жестче, чем в других скандинавских странах. «Один месяц заключения в других странах соответствовал трем месяцам в Финляндии. Эта «инфляция» может частично объяснить закономерную тяжесть наказания в финском суде» [35, р. 254]. Более жестокие санкции применялись и к преступникам-рецидивистам, и к совершившим преступления против собственности, т.е. к двум основным группам преступников. При этом социально-экономические условия жизни в стране были гораздо хуже, чем в соседних государствах. В то время как в других странах конструировалась «концепция всеобщего благосостояния», Финляндия оставалась бедной аграрной страной, которая пострадала от последствий войны.

В течение последующих лет в стране проводились многочисленные реформы, в том числе в области уголовно-правовых отношений. Устаревшие положения уголовного кодекса 1889 г. изменялись и приспособлялись к новым общественным условиям. Основными принципами, на которые опирались при вынесении приговоров, стали соразмерность и предсказуемость. Индивидуализация наказания так же, как и предполагаемая общественная опасность деяния или наказание «для общей профилактики», были вынесены на задний план. Подобные идеологические изменения коснулись всех северных стран. Тем не менее их последствия стали наиболее заметными в Финляндии [35, р. 255]. Таким образом, совершался процесс, полностью противоположный тому, который происходил в

это же время в США и других западных странах, где путем вынесения жестких мер наказания и акцентом на потенциальную опасность отдельных видов преступлений пытались повлиять на сокращение проблемы преступности.

Эти процессы происходили на основе «глубоких изменений, больших, чем просто влияние на проблему преступности» [35, р. 255]. Реформирование уголовно-правовой сферы понималось как часть изменения всей социальной политики страны. Прежде всего, проводился анализ эффективности реформ путем измерений «затрат на результат», которые показали со всей очевидностью, что в стране с сравнительно высоким уровнем производимых арестов и количеством вынесения приговоров о наказании в виде лишения свободы большее количество денег, по сравнению с соседними странами, тратилось на сферу исправительной системы – и при этом уровень преступности в них был примерно одинаков. Способы наказания, альтернативные лишению свободы, активно обсуждались, прежде всего, на политической арене в дискуссиях о проблеме равновесной социальной политики. Уголовно-превентивная эффективность наказаний путем лишения свободы ставилась под сомнение, при этом нелестное сравнение с соседними странами добавляло дополнительные убедительные аргументы.

На этом фоне проводимые вплоть до середины 1990-х гг. реформы системы правосудия были направлены на сокращение санкций и декриминализацию некоторых видов преступлений. Так, в 1966 г. были расширены возможности условно-досрочного освобождения; в 1969 г. статья за появление в нетрезвом состоянии в общественном месте была декриминализована; в 1972 г. было уменьшено наказание за совершение краж; в 1976 г. были расширены возможности досрочного освобождения из мест лишения свободы; в 1977 г. было уменьшено значение прежних судимостей для назначения меры наказания, лишение свободы все чаще заменялось денежными штрафами (например, за вождение в нетрезвом виде наказание в виде лишения свободы было заменено денежными штрафами). В 1989 г. возможности условно-досрочного освобождения для подростков были существенно расширены, вынесение наказания в виде реального тюремного заключения для подростков было значительно ограничено, в 1991 г. был сокращен срок наказания за преступления против собственности, в

1992 г. как альтернатива традиционным санкциям повсеместно введены общественные работы, случаи применения которых были расширены в 1995 и 2000 гг. Однако с середины 1990-х гг. в контексте международных дискуссий наметилась обратная тенденция, заключающаяся в выделении новых форм преступлений в сфере телекоммуникаций, бытовом насилии, организованной преступности, торговле людьми и жестоком обращении с животными [36, р. 348; 35, р. 258].

В то время как численность заключенных в Дании, Швеции и Норвегии с 1950 по 2000 гг. практически не изменилась, в Финляндии благодаря процессам декриминализации количество заключенных уменьшилось с 187 в 1950 г. до 55 в 2000 г., т.е. почти на треть. Уже в 1990 г. численность осужденных к лишению свободы лиц составила в Финляндии 69 человек, оставаясь относительно стабильной в последующие годы, вплоть до 2000 г., когда показатели вновь снизились, составив 55 человек [37]. Иными словами, изменения, произошедшие за 40 лет, привели к тому, что если раньше заключалось под стражу 3 человека, теперь лишался свободы лишь один. Совершение новых преступлений в конце 1990-х гг. привело к небольшому временному увеличению количества заключенных, однако эта тенденция была преломлена, численность заключенных вновь снижена.

Если бы тюремное заключение как самый жесткий вид наказания после смертной казни имело, как предполагается, значимый уголовно-превентивный эффект, то после очевидного снижения суровости и масштабов применения наказаний, а также быстрого распространения информации среди населения посредством СМИ в стране можно было бы ожидать значительного подъема уровня преступности. На самом деле официально зарегистрированный уровень преступности вырос в Финляндии только в середине 1960-х гг. При этом в этот период подобный рост был зафиксирован не только в этой стране, но и в других скандинавских и европейских странах, включая Германию, в которой общее количество преступлений выросло с 3 018 случаев в 1955 г. до 7 625 эпизодов в 2000 г. [38, р. 30]. По сравнению с тремя другими Северными странами, рост официально зарегистрированной преступности в Финляндии был незначительным, даже ниже, чем в Швеции и Дании. Лапи-Сеппала в связи с этим подчеркивает: «Существует поразительная раз-

ница в частоте использования лишения свободы как вида наказания и поразительное сходство в тенденциях развития преступности. В Финляндии, существенно снизившей число заключенных, уровень преступности существенно не изменился и не повлиял на симметрию развития преступности, характерную для всех скандинавских стран. Цифры еще раз подтверждают закономерность и общий вывод о том, что уровень преступности и распространенность применения наказания в виде лишения свободы – достаточно независимые друг от друга переменные, каждая из них поднимается и опускается в соответствии с собственными законами и динамикой» [35, р. 266]. Тернуд подчеркивал, что вопрос об изменении жесткости наказания зависит от политической воли и достижения консенсуса по вопросу использования санкций среди силовых структур. «Эксперты, положившие начало реформированию системы наказаний, почти единодушно разделяли убеждение, что сравнительно высокий уровень числа заключенных стал позором Финляндии, и считали возможным значительное сокращение количества и продолжительности тюремного заключения без серьезных последствий для криминальной ситуации» [39, р. 12]. Полученные результаты подтверждают предположение.

2.3. Германия и Швейцария

Результаты исследований, проведенных в различных федеральных землях Германии и в кантонах Швейцарии, также подтверждают, что жестокие виды наказания оказывают только незначительный превентивный эффект на преступность.

Шторц в проведенном исследовании на основании параграфов 45, 47 кодекса, а также на материалах 11 федеральных земель Германии изучил зависимость между первым преступлением, – чаще всего «мелким хищением» – совершенным молодыми людьми, с полученным наказанием и повторным преступлением, совершенным в течение 3-х лет после первого. Результаты показали, с одной стороны, четкие различия в пропорциях обвинительных приговоров, вынесенных в разных федеральных землях. Например, в Рейнланд-Пфальце или Баден-Вюртемберге они составляют 44%, тогда как в Гамбурге 90%, т.е. в Гамбурге фиксируется примерно в два раза больше эпизодов наказаний по сравнению с Рейнланд-Пфальцем или Баден-Вюртембергом. Это можно объяснить различиями в жесткости наказания для молодых

людей, совершивших преступление. С другой стороны, изучение случаев повторных преступлений, совершенных в течение 3-х лет, показало, что жесткость санкций не оказала никакого воздействия на частоту рецидивных преступлений в перечисленных федеральных землях. Как в Рейнланд-Пфальце, так и Гамбурге регистрируется примерно 30% повторных преступлений [40; 41].

В другом аналогичном исследовании Шторца [42] на материалах 26 кантонов Швейцарии изучалась зависимость между рецидивизмом (повторное совершение преступления) и полученным в первый раз наказанием в виде лишения свободы или условного осуждения, вынесенным за совершение таких преступлений, как мелкие кражи, нарушения правил дорожного движения, вождение в состоянии опьянения. Здесь также наблюдается аналогичная картина. В то время как жесткость наказания значительно отличается в разных кантонах, никакого доказанного воздействия на количество повторных преступлений это не оказывает. Таким образом, в кантоне Аппенцель-Ауссерроден количество арестов – чуть более 20%, что показывает сравнительно мягкую реакцию, и возрастает до 90% в кантоне Обвальден, что свидетельствует о жестком подходе к наказанию. Тем не менее число повторных преступлений во всех кантонах примерно одинаковое – от 10% до 15%.

Исследование Йеле было также направлено на изучение связи между рецидивом преступлений и реакцией на первое преступление [43]. Для этого в 1994 г. были изучены случаи совершения преступления и вынесенные по ним судебные приговоры об условном наказании или лишении свободы. Затем в течение четырехлетнего периода, вплоть до 1998 г., судьба этих людей (в целом почти 1 млн человек) отслеживалась с целью выяснить, совершали ли они повторные преступления. Авторы пришли к общему выводу, что большая часть обозначенных лиц не совершала повторных преступлений за этот период и лишь примерно одна треть лиц, отбывших наказание, вновь преступила закон. «Для лиц, приговоренных к лишению свободы, характерна большая вероятность совершения повторных преступлений, чем для тех, кто был приговорен к более мягким видам наказания. Условное наказание является более предпочтительным, чем лишение свободы для несовершеннолетних преступников» [43, р. 7]. «Более вероятным представляется, что

сдерживающий эффект зависит от риска быть обнаруженным, а не от тяжести наказания, данная зависимость более характерна для незначительных правонарушений» [44, р. 315]. Результаты показывают, что смертная казнь производит самый незначительный устрашающий эффект.

По мнению авторов, наиболее полным мета-анализом превентивного эффекта санкций является работа Доллинга [45; 46; 47]. Автор изучил 9 422 источников криминологической, социологической, экономической литературы по вопросу влияния санкций на преступность, а также провел собственный анализ 700 хорошо выстроенных методически и вместе с тем самых содержательных исследований. По результатам исследования автор делает вывод: «Самый незначительный сдерживающий эффект оказывает наказание в виде смертной казни ... В этой области санкции серьезны, а нормы защищают основные ценности. Кроме того, гипотеза сдерживания чаще подтверждается в случаях совершения административных, чем уголовных преступлений. Наконец, жестокость наказания производит меньший сдерживающий эффект, чем вероятность наказания» [45, р. 374].

Сформулированные выводы в значительной степени совпадают с результатами, полученными Викстремом, который считает, что люди, которые в принципе считают возможным совершение преступных действий, могут воздержаться от подобных действий из-за страха возможного наказания. «Они воздерживаются потому, что боятся последствий (высоко оценивают риск быть пойманными)» [48, р. 417]. «Люди, которые в принципе не считают совершение противоправных действий возможным, не склонны участвовать в преступлении независимо от того, оценивают ли они степень риска быть пойманными высоко или низко» [49, р. 397].

2.4. Португалия

Резкий рост заключенных в тюрьмах США в 1970-х гг. был в значительной степени обусловлен «войной с наркотиками» [33, р. 3]. Например, Мэйлс и Макалайр подчеркивают: «В течение почти трех десятилетий система уголовного правосудия Калифорнии последовательно расширяла возможности ареста, судебного преследования и заключения лиц, совершивших преступление, связанное с незаконным оборотом наркотических средств» [50, р. 2]. С начала 1990-х гг. уголовное преследование отчетливо сфокусировалось на наказании за хранение наркотиков. В 2008 г.

впервые было арестовано преступников больше за владение наркотиками, чем за их изготовление и торговлю. «Беспрецедентный сдвиг в приоритетах Калифорнийских правоохранительных органов в войне с наркотиками отчетливо повлек за собой экстраординарное увеличение количества арестов за хранение даже небольших доз (меньше унции) наркотиков, особенно марихуаны. Таким образом, число наказаний в виде лишения свободы за хранение незначительных доз легких наркотиков (марихуана) в период с 1990 по 2008 гг. увеличилось на 127%, в то время как показатели других преступлений, связанных с изготовлением, сбытом наркотиков, в этот же период несколько снизились.

На фоне практикуемой в США жесткости наказания за преступления, связанные с наркотиками, даже если речь идет о случайном потреблении легких наркотиков, уголовное преследование во многих европейских странах выглядит прямо таки мягким.

Нидерланды, в частности, подвергаются критике за свою либеральную политику в отношении наркотиков. Также в Германии под лозунгом «Легализуй их» снова и снова обсуждается вопрос о декриминализации легких наркотиков.

Смелый шаг в этом направлении был предпринят несколько лет назад Португалией. В конце 1990-х гг., когда страна столкнулась с серьезными проблемами – наркотиками, правительство учредило международную комиссию, призванную разработать рекомендации для решения проблемы. Комиссия рекомендовала осуществить значительную декриминализацию употребления наркотиков, а также оказывать большую помощь наркозависимым. Соответственно предложениям, Португалия в ноябре 2000 г. приняла Закон 30/2000, который вступил в силу 01.07.2001, согласно которому хранение наркотиков в целях личного употребления и само употребление наркотиков было декриминализовано, в то время как торговля осталась неизменно наказуемым деянием. В соответствии с этим новым регулированием хранение для личного пользования запрещенных наркотиков в целом запрещено, но хранение наркотиков в небольших объемах для использования в течение 10 дней стало административным правонарушением, в то же время наркоманам была предложена помощь и поддержка. Также было создано новое уголовно-исполнительное учреждение «CDT – Comissao de Dissuasao Toxicodependencia» (Комиссия по

лечению наркоманов), предназначенное для разработки и апробации новых способов борьбы с наркоманией. В случае отказа от сотрудничества СДТ вправе налагать штрафы, пени, однако наказание наркомана не является приоритетной задачей. Основная цель этой комиссии – оказание помощи [51; 52; 53].

В новом законе подчеркивается важность охраны здоровья и социальных связей наркоманов. Закон направлен на лечение, улучшение здоровья, смягчение наказания наркоманов. Однако дилеры и торговцы наркотиками по-прежнему преследуются уголовным законодательством.

Интересными представляются данные о последствиях декриминализации употребления наркотиков в этой стране. Хотя официальная численность лиц, употребляющих наркотики, увеличилась, тем не менее большим достижением в борьбе с наркоманией стало возросшее число обращений наркоманов в медицинские учреждения. После того как был принят закон, число карательных решений (без лечения) значительно сократилось и свелось преимущественно к наложению штрафов и ограничений, таких как регулярное посещение СДТ, полиции или служб здравоохранения. Смертность из-за употребления наркотиков и СПИДа, которая была в Португалии самой высокой среди европейских стран в 2000 г., после принятия закона значительно снизилась. Таким образом, острота проблемы СПИДа, сопутствующей наркомании, была уменьшена с началом процесса декриминализации.

Европейский мониторинговый центр по наркотикам и наркомании – EMCDDA [54, s. 12] после нескольких лет практической работы по изучению последствий декриминализации пришел к выводу: «Первоначальные опасения о том, что такой подход приведет к увеличению числа людей, употребляющих наркотики, привлечет «наркотических туристов», не подтверждаются полученными данными» [54, s. 12]. Агра на фоне успехов Португалии говорит о «реквиеме для наркотиков» [51]. Гринвальд отмечает: «Полученные данные показывают, что декриминализация не оказала негативного влияния на темпы потребления наркотиков в Португалии, которая в настоящее время имеет самый низкий уровень по многим криминологическим показателям в Евросоюзе, особенно среди стран с похожим уголовно-правовым режимом» [55, s. 1].

2.5. Российская Федерация

В России изменение отношения к наказанию тесно связано с социально-историческим контекстом. Если в 19 в. происходило смягчение наказания, то после 1917 г. произошло резкое ужесточение налагаемых санкций. Пик «жестокости» пришелся на годы репрессий 1937–1953 гг. Снижение объема и уровня преступности и, соответственно, количества заключенных происходит в периоды «оттепели» (1963–1965) и перестройки (1986–1988). Резкое снижение числа лиц, отбывающих наказание в тюрьмах, произошло в начале 1990-х гг., что было связано с распадом СССР, идеологическими и социально-экономическими изменениями, затронувшими все сферы жизнедеятельности людей. Однако уже через 5 лет число заключенных увеличилось вдвое с 573 тыс. в 1993 г. до 1 100 000 в 1998 г., что опять же в значительной степени было обусловлено трансформационными процессами, социально-экономическими реформами, приведшими к обнищанию большей части населения страны, изменением нравственно-идеологического сознания людей. В 1996 г. в России был введен мораторий на применение смертной казни. В том же году в России были казнены 53 преступника, среди которых серийный убийца Чикатило. Однако на протяжении этих 15-ти лет не приводилась в исполнение смертная казнь, поэтому в обществе до сих пор критикуют принятие моратория и желают возобновления применения высшей меры наказания.

В Уголовном кодексе, вступившем в силу в 1997 г., отчетливо просматривается тенденция к ужесточению наказания по сравнению с предыдущей версией Уголовного кодекса РСФСР 1960 г. Так, ст. 57 настоящего кодекса предусматривает пожизненное лишение свободы. В ст. 56 п. 2 оговаривается возможность лишения свободы до 20 лет, в п. 3 оговорено, что по совокупности преступлений максимальный срок лишения свободы не может быть более 25 лет, по совокупности приговоров – 30 лет. Следует отметить, что в настоящее время приговоры, выносимые судьями, чаще всего содержат санкции, предельные для данного вида преступлений.

В целом в Российской Федерации тенденция ужесточения наказания очевидна. Только за 2012 г. разработаны и предложены для рассмотрения законопроекты, предполагающие усиление ответственности за вождение в нетрезвом

виде; проект закона об ужесточении наказания за создание и участие в руководстве финансовой пирамидой. Д.А. Медведев 29.02.2012 подписал Закон «О внесении изменений в Уголовный кодекс и отдельные законодательные акты РФ в целях усиления ответственности за преступления сексуального характера, совершенные в отношении несовершеннолетних». Согласно данному нормативному акту, предусмотрен особый порядок применения принудительных мер медицинского характера к лицам, совершившим преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетнего. В частности, такой комплекс мер может включать в себя возможность применения профилактических медикаментозных средств, в том числе химической кастрации, также вводится запрет на применение условного осуждения и на отсрочку отбывания наказания в отношении данной категории лиц. В октябре 2012 г. был принят Федеральный закон Российской Федерации № 172-ФЗ «О внесении изменения в ст. 73 Уголовного кодекса Российской Федерации», который ограничивает случаи применения условного осуждения при опасном рецидиве и в других случаях.

Только за два месяца 2013 г. Генпрокуратурой РФ и МВД подготовлены проекты нескольких законов, ужесточающих уголовную ответственность. Так, например, планируется ужесточить наказания за нелегальный игорный бизнес. Согласно поправкам, Уголовный кодекс предлагается дополнить статьей, которая будет грозить организаторам азартных игр с использованием игрового оборудования вне игорной зоны, извлекающих доход в крупном размере, ограничением свободы на срок до двух лет. За те же преступления, совершенные организованной группой, предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок до пяти лет.

В январе 2013 г. в СМИ появилась информация, что в Государственной Думе РФ весной 2013 г. планируется рассмотрение закона, предполагающего снижение возраста уголовной ответственности до 14-ти лет, а по некоторым составам преступлений – до 12-ти (в настоящее время 16 и 14 лет соответственно). Следует отметить, что в Государственной Думе есть как сторонники, так и противники этого закона. Инициаторы и многочисленные сторонники снижения возрастной планки говорят, что за последние годы криминальная ситуация в стране изменилась, а преступность в России помолодела.

Мнение о том, что в России «следует активнее внедрять наказания, не связанные с лишением свободы, чтобы за незначительные преступления человека не отправлять сразу за решетку», высказанное членом комитета Государственной Думы РФ по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству Рафаэлем Марданшиным, не находит широкой общественной поддержки. Лейтмотив современной системы наказания в России – «ужесточение, а не либерализация», подтверждением чего являются уже принятые и готовящиеся к рассмотрению нормативно-правовые акты.

3. Почему ужесточение наказания (штрафов) практически не влияет на уровень преступности?

Представленные результаты международных исследований подтверждают сомнения относительно уголовно-превентивного действия (жестких) санкций. Даже если предположить наличие производимого ими минимального сдерживающего эффекта, всегда найдутся более действенные и, прежде всего, более дешевые альтернативы уголовного преследования. Эндрюс и Бонта выдвигают 4 психологически обоснованных пункта, которые могли бы повысить эффективность превентивной функции наказания. Однако по разным причинам реальное введение этих предложений затруднено или невозможно. Авторы подчеркивают:

1. Чтобы быть эффективным, полученное наказание должно быть тяжелым и очень ощутимым для преступника, менее интенсивные санкции повышают толерантность и оказывают лишь краткосрочный эффект. Для начала криминальной карьеры характерно применение мягких санкций, которые часто даже не воспринимаются как наказание, и к которым происходит «привыкание».

С другой стороны, представленные результаты показывают, что отсутствие уголовных санкций или внесудебные меры могут быть так же успешными или оказывать более эффективное профилактическое воздействие, чем жесткие виды наказания. Преступность – это не унифицированное поведение, она имеет множество различных граней, к совершению преступных действий возвращаются по самым разным причинам. Жестокое наказание как единичная мера имеет небольшой уголовно-превентивный эффект. Для большинства молодых правонарушителей совершение

преступлений – «временный» вид деятельности, обусловленный во многом особенностями возраста, поэтому жесткие санкции являются контрпродуктивными. То относительно небольшое число правонарушителей, преступное поведение которых станет привычным или рецидивным, трудно предугадать. Поэтому всем начинающим преступникам необходимо не жестокое наказание, а помощь и поддержка.

2. Наказание должно следовать незамедлительно за противоправным действием, как этого требовали, например, еще Бентам и Беккариа, однако в результате длительности расследования и перегрузки судов это едва ли возможно, поэтому профилактический эффект наказания минимален [56]. Даже если ускорение судебных процессов удалось бы сделать возможным, они все равно останутся длительными. Как раз в случаях серьезных преступлений, когда разбирательство длится недели и месяцы, наказание ни в коем случае не может быть наложено «с ходу». С психологической позиции эффективное наказание должно следовать уже через несколько минут после нежелательного действия. Однако, согласно результатам исследования Блайснера и Томаса, основанного на анализе 380 судебных решений, принятых по делам молодых людей, нельзя говорить о достижении всеобщего уголовно-превентивного эффекта даже в случае быстрого вынесения наказаний. По данным ученых, в среднем рассмотрение дела составляет 226 дней, при этом период от совершения деяния до приговора может составлять от 26 до 859 дней. Результаты исследований показывают, что «широко распространенная теория о том, что быстрое уголовное наказание будет производить значительный сдерживающий эффект, не так однозначно и не может быть принято безоговорочно». «Быстрый процесс» также не способствует тщательному изучению дела и взвешенному вынесению правовой оценки. Лишь при нарушениях правил дорожного движения возможно моментальное применение санкций без ущерба для правовой стороны вопроса. Таким образом, ускорение процесса вынесения наказания является сложным вопросом, требующим соблюдения правовых и этических норм, касающихся как преступника, так и жертвы.

3. Наказание должно быть приведено в исполнение как можно быстрее после каждого действия. Однако из-за очень высокого уровня

нераскрываемости, который составляет до 90% преступлений [57], и даже в отношении убийств до 50% от общего количества [58; 59], это требование остается невыполненным. Шансы остаться ненаказанным за преступление, и, таким образом быть «награжденным» чрезвычайно высоки.

4. Необходимо пресекать случаи избегания наказания за совершенное преступное деяние. Благодаря хвастовству неполученное наказание становится стимулирующим фактором для всех членов преступной группы.

Итак, большинство предложенных пунктов, направленных на повышение эффективности уголовного наказания, априори не могут быть реализованы. Соответственно, авторы приходят к скептическому заключению: «Все вышеперечисленные условия рассматривают наказание только как способ подавления нежелательного поведения. Они не затрагивают особенности личности человека, к которому применяется наказание» [60, с. 43].

4. Обсуждение. Дискуссия

Таким образом, как показывают результаты международных исследований, уголовные наказания оказывают весьма незначительное влияние на уровень преступности, особенно когда речь идет о серьезных преступлениях. В тоже время в обществе неоднократно звучат призывы к применению более строгих мер наказания для снижения уровня преступности.

В конце 2012 г. Беате Мерк, баварский министр юстиции, подняла вопрос о «более суровом наказании для несовершеннолетних преступников». Вначале выступления она повествует о «вымышленном случае», основанном на реальном событии, произошедшем в Мюнхене. Мальчику, на которого напали двое других молодых людей на улице, попытался помочь мужчина, который сам был избит и смертельно ранен. «Они сбили его с ног и жестоко били его снова и снова». Основной обвиняемый был осужден за убийство и приговорен к высшей мере наказания для несовершеннолетних – 10 годам лишения свободы. Министр задает вопрос: «справедливо ли, правильно ли то, что вдова должна считаться с тем, что вскоре вновь встретит преступника на улице?». Министр выступает против этого, и считает «правильным и важным шагом», чтобы несовершеннолетние «в случаях совершения жестоких преступлений, убийств, приговаривались

к 15 годам лишения свободы». Более того, она требует ужесточить наказание для несовершеннолетних преступников «до пожизненного лишения свободы как высшей меры наказания ...», если они совершили преступление со смертельным исходом или их действия привели в последующем к смерти жертвы. «Кроме того, можно ставить вопрос о соответствующем повышении максимальных сроков наказания не только для несовершеннолетних преступников, но и для более взрослых людей. Потому что в настоящее время молодые люди могут совершать самые тяжелые преступления, за которые нынешние максимальные сроки – 10 лет лишения свободы – едва ли можно считать адекватным наказанием». «Более суровое наказание для несовершеннолетних преступников», по мнению Беате Мерк, «было бы не только воспитательной мерой, но и искуплением вины и разумной платой за содеянное». Наказание должно стать справедливым возмездием. Для этого законодатель должен ужесточить наказание, «иначе жертвы и их семьи остаются под ударом».

В предвыборной агитации Р. Коха в 2008 г. в Гессене уже звучали призывы к резкому ужесточению наказания для молодых людей. Его предвыборная программа с заголовком «Жизнь в безопасности», составленная на основе онлайн-опроса, проведенного 02.01.2008, представляла собой план из шести пунктов по ужесточению правосудия в отношении несовершеннолетних. План предусматривал в том числе «предупредительный арест» для несовершеннолетних правонарушителей, применение норм «взрослого» права, начиная с 18 лет, и увеличение максимального срока наказания для подростков с 10 до 15 лет. «Должен быть положен конец ложной тактичности и приукрашиванию действительности», – сказал Кох. При этом он также ссылаясь на случай нападения подростками на пожилого мужчину².

Через несколько дней Христианско-демократический союз Германии принял решение о «Висбаденской декларации», призывающей к увеличению максимального наказания для несовершеннолетних до 15 лет, следуя таким образом призывам Коха³.

² URL: http://www.focus.de/politik/deutschland/jugendgewalt/jugendgewalt_aid_231927.html

³ URL: http://www.focus.de/politik/deutschland/jugendgewalt/cdu-klausurtagung_aid_232306.html

Между тем в США существует огромное количество литературы, доказывающей отсутствие профилактического эффекта у карательных мер и санкций [61]. Так, Хофер и Хам уже подчеркивали несколько десятилетий назад, что политические требования ужесточить уголовную ответственность в основном продиктованы «чистой идеологией» и являются «сокрытием реальности» [62, р. 269]. «Стремление к общей профилактике провозглашается как обеспечение сохранности основных социальных ценностей, которые в действительности являются специфическими интересами различных групп власти. Общая профилактика симулирует согласие, там где есть конфликт. Уголовное законодательство – в значительной степени попытка определенных групп защитить свои определенные интересы...» [62, р. 268]. «В конечном счете, речь идет о наказании бедных и бессильных» [62, р. 209; 63]. «Общая профилактика основана на страхе и угрозах. Это, по крайней мере, частично объясняет ее репрессивный характер. Общая профилактика сосредоточена на отдельных лицах, а не на структурах» [62, р. 270; 14].

Современная уголовная политика, в которой по-прежнему основной акцент ставится на штрафы и задержания, при невысокой эффективности в области предупреждения преступлений обходится налогоплательщикам исключительно дорого, как показывает, в частности опыт США, в котором проводилось оценивание «затрат и результатов» [64]. Гаскон и Фоглесонг говорят, что американские штаты и города сегодня тратят гораздо больше денег на полицию, сотрудников правоохранительных органов и безопасность, чем это было несколько десятилетий назад [65, р. 1]. Таким образом, издержки выросли с 1982 по 2006 гг. на 420% в полиции; увеличились на 660% в области «Исправления» и возросли на 503% в сфере «Судов». Из-за больших трат и требуемых вложений Шелдон сравнивает состояние дел в сфере наказания с тенденциями, характерными для «Тюремной индустрии» [12].

При расчете стоимости, как правило, не учитывается сопутствующий ущерб, который наносится ближайшему социальному окружению преступников, прежде всего, их семьям. Большинство заключенных составляют мужчины в возрасте от 20 до 60 лет, имеющие жену и детей [66]. После ареста мужа или отца семьи часто испытывают финансовые трудности, а также подвергаются стигматизации,

последствия которой особенно негативно сказываются на детях преступников [67–69]. Матери часто скрывают правду от своих детей, чтобы защитить их, но рано или поздно дети неизбежно сталкиваются с реальностью. При более длительных сроках тюремного заключения семьи испытывают значительную стрессовую нагрузку и напряжение, наносящие ощутимый удар отношениям. Сохранения семейных связей – важный социальный вопрос, так как наличие семьи, хорошие внутрисемейные отношения являются значительным фактором для успешной адаптации бывших заключенных. Как справедливо подчеркивает Браман: «Этот вопрос ... не является просто проблемой наказания и сдерживания преступников, но касается укрепления семейных уз, способствует улучшению жизни в общине, и в конечном итоге определяет характер нашего общества в целом» [70, p. 224].

Результаты криминологических исследований единодушно показывают, что суровое уголовное наказание если и оказывает, то незначительное влияние на уровень преступности, и производит небольшой превентивный эффект. В то же время наказание в виде лишения свободы имеет значительные отрицательные последствия. Их наложение требует оказания дополнительных интенсивных реабилитационных мероприятий для того, чтобы мотивировать людей к изменению поведения. Простая «отсидка» наказания вызывает, как правило, лишь закрепление криминального поведения, привычек и установок, чему способствует мощное воздействие тюремной субкультуры [71]. Современная уголовно-политическая тенденция, направленная на ужесточение наказания, увеличение сроков тюремного заключения и числа арестантов, идет в ошибочном направлении. Заключенные должны были мотивированы возможностью досрочного освобождения при соответствующем сотрудничестве и изменении поведения. Клиа считает: «Если существует проблема массового лишения свободы, проявляющаяся в большом количестве осужденных на долгие сроки заключения, то решение сводится к меньшему числу заключенных и сокращению сроков лишения свободы» [9, p. 125f].

Переход осужденных к лишению свободы от «заключения» к «освобождению» должен происходить при соответствующем внимании и сотрудничестве заинтересованных лиц, быть предварительно подготовлен и контролироваться в течение некоторого времени. Освобождению после длительного тю-

ремного заключения должна сопутствовать совокупность последующих мероприятий, таких как интеграция на рынок труда, поиск работы [72]. Значительное число мероприятий должно проводиться для улучшения процесса адаптации и реинтеграции бывших заключенных. Дополнительная нагрузка, которую в таком случае будут испытывать службы пробации, может быть частично снижена путем активного привлечения труда добровольцев [73].

Как показывают результаты криминологических исследований, если общество всерьез задумывается об улучшении криминологической ситуации и профилактике преступности, то без мер, обеспечивающих реабилитацию преступников, обойтись нельзя. Простое наказание преступников слишком мало помогает в этом. Так, Мосер, сравнивая отношение общества к преступникам с отношением между родителями и детьми, пишет: «Удивительно, как общество относится к преступникам. Оно мало заботится о правонарушителях до тех пор, пока они жертвы. Общество вмешивается, только если чувствует себя жертвой. Это похоже на поведение плохих родителей, которые начинают бить наотмашь и вслепую, если крики и действия детей, которыми они пренебрегали, начинают действовать им на нервы и нарушать их спокойствие» [74, p. 289].

Список литературы / References

1. Buggle, F. (1992). Denn sie wissen nicht, was sie glauben. Oder warum man redlicherweise nicht mehr Christ sein kann. Eine Streitschrift. Reinbek: Rowohlt.
2. Busch, W. (1959). Das Gesamtwerk des Zeichners und Dichters in sechs Bänden. Olten u.a.: Fackelverlag.
3. Behringer, W. (Hrsg.)(1988). Hexen und Hexenprozesse in Deutschland. München: dtv.
4. Schubert, E. (2007). Räuber, Henker, arme Sünder. Verbrechen und Strafe im Mittelalter. Darmstadt: WBG.
5. Krause, T. (1999). Geschichte des Strafvollzugs. Von den Kerkern des Altertums bis zur Gegenwart. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft.
6. Hinckeldey, Ch. (Hrsg.)(1980). Strafjustiz in alter Zeit. Rothenburg o.d.T.: Mittelalterliches Kriminalmuseum.
7. Beccaria, C. (1764; 2005). Von den Verbrechen und von den Strafen. Berlin: Berliner Wissenschafts-Verlag.
8. Bueb, B. (2006). Lob der Disziplin – eine Streitschrift. Berlin: List Verlag, 3. Aufl.
9. Clear, T.R. (2008). The Effects of High Imprisonment Rates on Communities. In: Tonry, M. (Hrsg.), Crime and Justice. Chicago: University of Chicago Press, A Review of Research, 37, 97–132.
10. Eisner, M. (2001). Individuelle Gewalt und Modernisierung in Europa, 1200–2000. In: Albrecht, G., Backes, O., Kühnel, W. (Eds.), Gewaltkriminalität zwischen Mythos und Realität. Frankfurt/M.: Suhrkamp, 71–100.

11. Thome, H., Birkel, C. (2007). Sozialer Wandel und Gewaltkriminalität. Deutschland, England und Schweden im Vergleich, 1950 bis 2000. Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften.
12. Shelden, R.G. (2010). The Prison Industry. San Francisco: Center on Juvenile & Criminal Justice.
13. Garland, D. (2003). The Culture of Control: Crime and Social Order in Contemporary Society. Oxford: Oxford University Press (dt. Ausgabe: 2008, Kultur der Kontrolle. Verbrechensbekämpfung und soziale Ordnung in der Gegenwart. Frankfurt/M.: Campus).
14. Lee, M. (2001). The genesis of 'fear of crime'. Theoretical Criminology 5, 467–485.
15. Kutateladze, B. (2011). Measuring State Punitiveness in the United States. In: Kury, H., Shea, E. (Eds.), Punitivity – International Developments. Vol. 1: Punitiveness – a global Phenomenon. Bochum: Brockmeyer, 151–179.
16. Hinds, L. (2005). Crime control in Western countries, 1970 to 2000. In: Pratt, J., Brown, D., Brown, M., Hallsworth, S., Morrison, W. (Eds.), The New Punitiveness. Trends, theories, perspectives. Portland/Oregon: Willan, 47–65.
17. Kuhlmann, A. (2011). Punitiveness in the US criminal justice system. In: Kury, H., Shea, E. (Eds.), Punitivity – International Developments. Vol. 3: Punitiveness and Punishment. Bochum: Brockmeyer, 61–99.
18. Males, M., Macallair, D., Taqi-Eddin, K. (1999). Striking Out: The Failure of California's "Three Strikes and You're Out" Law. San Francisco: Justice Policy Institute. – URL: <http://www.cjcrj.org/files/strikingout.pdf>
19. Males, M., Macallair, D. (2010a). The California Miracle: Drastically Reduced Youth Incarceration, Drastically Reduced Youth Crime. San Francisco: Center on Juvenile & Criminal Justice.
20. Males, M., Macallair, D. (2010b). Are Teenage Criminals Getting Younger and Younger? Exposing another Urban Legend. San Francisco: Center on Juvenile & Criminal Justice.
21. Teji, B.S. (2011). Promoting the "get tough" crime control agenda: The Peace Officers Research Association of California (PORAC). San Francisco: Center on Juvenile & Criminal Justice.
22. Jasch, M. (2003). "Zero Tolerance" in New York – Was ist daraus geworden? Frankburg: unveröff. Manuskript.
23. Blumstein, A., Wallman, J. (Hrsg.) (2006). The crime drop in America. Cambridge: Cambridge University Press.
24. Males, M., Stahlkopf, C., Macallair, D. (2007). Crime Rates and Youth Incarceration in Texas and California Compared: Public Safety or Public Waste? San Francisco: Center on Juvenile & Criminal Justice. – URL: www.cjcrj.org
25. Leon, B.H. de, Teji, S. (2012). Juvenile Justice Realignment in 2012. San Francisco: Center on Juvenile & Criminal Justice.
26. Snell, T.L. (2010). Capital Punishment, 2009 – Statistical Tables. Washington: U.S. Department of Justice, Office of Justice Programs, Bureau of Justice Statistics.
27. Death Penalty Information Center (2012). The Death Penalty in 2012: Year End Report. – URL: <http://deathpenaltyinfo.org/documents/2012YearEnd.pdf>
28. Radelet, M.L., Lacock, T.L. (2009). Recent Developments – Do Executions lower Homicide Rates?: The Views of Leading Criminologists. The Journal of Criminal Law and Criminology 99, 489–508.
29. Bowers, W.J., Pierce, G.L. (1980). Deterrence or Brutalization: What is the Effect of Executions? Crime and Delinquency 26, 453–492.
30. Mattera, P., Khan, M. (2001). Jail Breaks: Economic Development Subsidies Given to Private Prisons. – URL: <http://www.goodjobsfirst.org/pdf/jailbreaks.pdf>
31. Klimke, D. (2008). Wach- & Schließgesellschaft Deutschland. Sicherheitsmentalitäten in der Spätmoderne. Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften.
32. Lilly, J.R., Knepper, P. (1993). The Correctional-Commercial Complex. Crime and Delinquency 39, 150–166.
33. Center on Juvenile & Criminal Justice (2011). Interest Groups and Criminal Justice Policy. San Francisco: Center on Juvenile & Criminal Justice.
34. Christie, N. (2000). Crime Control as Industry. New York: Routledge.
35. Lappi-Seppälä, T. (2011). Changes in Penal Policy in Finland. In: Kury, H., Shea, E. (Hrsg.), Punitivity – International Developments. Vol. 1: Punitiveness – a global Phenomenon?
36. Lappi-Seppälä, T. (2010). Finnland. In: Dünkel, F., Lappi-Seppälä, T., Morgenstern, C., Zyl Smit, D. van. (Hrsg.), Kriminalität, Kriminalpolitik, strafrechtliche Sanktionspraxis und Gefangenenraten im europäischen Vergleich. Mönchengladbach: Forum Verlag Godesberg, 325–392.
37. Walmsley, R. (2010). World Prison Population List. London: Kings College, International Center for Prison Studies.
38. Bundeskriminalamt (Hrsg.) (2011). Polizeiliche Kriminalstatistik Bundesrepublik Deutschland. Berichtsjahr 2010. Wiesbaden: Bundeskriminalamt.
39. Törnudd, P. (1993). Fifteen Years of Decreasing Prison Rates in Finland. National Research Institute of Legal Policy. Research Communication 8.
40. Storz, R. (1992). Jugendstrafrechtliche Reaktionen und Legalbewährung. In: Heinz, W., Storz, R.: Diversion im Jugendstrafverfahren der Bundesrepublik Deutschland. Bonn: Bundesministerium der Justiz.
41. Spieß, G., Storz, R. (1989). Informelle Reaktionsstrategien im deutschen Jugendstrafrecht. Legalbewährung und Wirkungsanalyse. In: Bundesministerium der Justiz (Hrsg.), Jugendstrafrechtsreform durch die Praxis. Informelle Reaktionen und neue ambulante Maßnahmen auf dem Prüfstand. Konstanzer Symposium. Bonn: Bundesministerium der Justiz, 127–153.
42. Storz, R. (1997). Strafrechtliche Verurteilungen und Rückfallraten. Bern: Bundesamt für Statistik.
43. Jehle, J.-M., Heinz, W., Sutterer, P. (2003). Legalbewährung nach strafrechtlichen Sanktionen. Eine kommentierte Rückfallstatistik. Berlin: Bundesministerium der Justiz.
44. Hirsch, A. von, Bottoms, A.E., Burney, E., Wikström, P.-O. (1999). Criminal Deterrence and Sentence Severity. An Analysis of Recent Research. Oxford: Hart Publishing.
45. Dölling, D., Entorf, H., Hermann, D., Rupp, T. (2011). Meta-Analysis of Empirical Studies on Deterrence. In: Kury, H., Shea, E. (Eds.), Punitivity – International Developments. Vol. 3, Bochum: Universitätsverlag Dr. Brockmeyer, 315–378.
46. Dölling, D., Entorf, H., Hermann, D., Häring, A., Rupp, T., Woll, A. (2006). Zur generalpräventiven Abschreckungswirkung des Strafrechts – Befunde einer Metaanalyse. Soziale Probleme 17, 193–209.
47. Dölling, D., Entorf, H., Hermann, D., Häring, A., Rupp, T., Woll, A. (2006). Zur generalpräventiven Abschreck-

ungswirkung des Strafrechts – Befunde einer Metaanalyse. *Soziale Probleme* 17, 193–209.

48. Wikström, P.-O., Tseloni, A., Karlis, D. (2011). Do people comply with the law because they fear getting caught? *European Journal of Criminology* 8, 401–420.

49. Pauwels, L., Weerman, F., Bruinsma, G., Bernasco, W. (2011). Perceived sanction risk, individual propensity and adolescent offending: Assessing key findings from the deterrence literature in a Dutch sample. *European Journal of Criminology* 8, 386–400.

50. Macallair, D., Males, M. (2009). *Marijuana Arrests and California's Drug War: A Report of the California Legislature*. San Francisco: Center on Juvenile and Criminal Justice.

51. Agra, C. da (2009). Requiem pour la Guerre à la Drogue. *L'Expérimentation Portugaise de Décriminalisation. Déviance & Société* 33, 27–49.

52. Kury, H., Quintas, J. (2010a). Zur Wirkung von Sanktionen bei Drogenabhängigen – Argumente für eine rationale Drogenpolitik. *Polizei & Wissenschaft* 1, 31–56.

53. Quintas, J., Agra, C. da (2008). *The impact of Portuguese Drug Use Decriminalisation Law*. Porto: University of Porto, Faculty of Law – School of Criminology.

54. European Monitoring Centre for Drugs and Drug Addiction – EMCDDA (2009). *The State of the Drugs Problem in Europe. Annual Report 2009*. Luxembourg: Publications Office of the European Union. – URL: <http://www.emcdda.europa.eu/publications/annual-report/2009>

55. Greenwald, G. (2009). *Drug Decriminalization in Portugal. Lessons for Creating Fair and Successful Drug Policies*. Washington, D.C.: Cato Institute.

56. Heisig, K. (2010). *Das Ende der Geduld. Konsequent gegen jugendliche Gewalttäter*. Freiburg: Herder.

57. Kury, H. (2001). Das Dunkelfeld der Kriminalität. Oder: Selektionsmechanismen und andere Verfälschungsstrukturen. *Kriminalistik* 55, 74–84.

58. Rückert, S. (2000). *Tote haben keine Lobby. Die Dunkelziffer der vertuschten Morde*. Hamburg: Hoffmann und Campe.

59. Scheib, K. (2002). *Die Dunkelziffer bei Tötungsdelikten aus kriminologischer und rechtsmedizinischer Sicht*. Berlin: Logos.

60. Andrews, D.A., Bonta, J. (2010). *Rehabilitating Criminal Justice Policy and Practice*. Psychology, Public Policy, and Law, 16, 39–55.

61. MacKenzie, D.L. (1998). Criminal Justice and Crime Prevention. In: Sherman, L.W., Gottfredson, D., MacKenzie, D.L., Eck, J., Reuter, P., Bushway, S., *Preventing Crime: What works, what doesn't, what's promising*. Washington: National Institute of Justice.

62. Hofer, H. von, Tham, H. (1975). Beware of General Prevention! In: National Swedish Council for Crime Prevention (Hrsg.), *General Deterrence – A Conference on current Research and Standpoints*. Stockholm: Research and Development Division, 257–270.

63. Wacquant, L. (2009). Bestrafen der Armen. Zur neoliberalen Regierung der sozialen Unsicherheit. Opladen: Verlag Barbara Budrich.

64. Aos, S. (2003). Cost and benefits of criminal justice and prevention programs. In: Kury, H., Obergfell-Fuchs, J. (Eds.), *Crime Prevention – New Approaches*. Mainz: Weisser Ring, 413–442.

65. Gascón, G., Foglesong, T. (2010). *Making Policing More Affordable. Managing costs and Measuring Value in Policing*. Washington: National Institute of Justice.

66. Rose, D.R., Clear, T.R. (1998). Incarceration, Social Capital and Crime: Examining the Unintended Consequences of Incarceration. *Criminology* 36, 441–479.

67. Murray, J., Farrington, D.P. (2008). The Effects of Parental Imprisonment on Children. In: Tonry, M. (Hrsg.), *Crime and Justice*. Chicago: Chicago University Press. A Review of Research, 37, 133–206.

68. Kury, H., Kern, J. (2003a). Frauen und Kinder von Inhaftierten. Eine vergessene Gruppe. *Kriminologisches Journal* 35, 97–110.

69. Kury, H., Kern, J. (2003b). Angehörige von Inhaftierten – zu den Nebeneffekten des Strafvollzugs. *Zeitschrift für Strafvollzug und Straffälligenhilfe* 52, 269–278.

70. Braman, D. (2004). *Doing Time on the Outside: Incarceration and Family Life in America*. Ann Arbor: University of Michigan Press.

71. Ortman, R. (1993). Prisonisierung. In: Kaiser, G., Kerner, H.-J., Sack, F., Schellhoss, H. (Hrsg.), *Kleines Kriminologisches Wörterbuch*. Heidelberg: C.F. Müller, 402–409.

72. Lauterbach, O. (2009). Jugendstrafvollzug – Soziale Integration und Delinquenz nach Entlassung aus dem Jugendstrafvollzug. *ZJJ – Zeitschrift für Jugendkriminalrecht und Jugendhilfe* 20, 44–50.

73. Kury, H., Sato, M. (2013). *Bewährungshilfe – die Rolle der Freiwilligen. Ein Vergleich zwischen Deutschland und Japan*. Zur Veröff. Eingereicht.

74. Moser, T. (1978). *Jugendkriminalität und Gesellschaftsstruktur. Zum Verhältnis von soziologischen, psychologischen und psychoanalytischen Theorien des Verbrechens*. Frankfurt/M.: Fischer.

75. Гилинский Я.И. *Криминология*. – СПб.: Питер, 2002. – 377 с.

Gilinskii Ya.I. *Kriminologiya (Criminology)*. Saint Petersburg: Piter, 2002, 377 p.

76. Необходимо от ужесточения наказаний переходить к их неотвратимости. Интервью с депутатом Государственной Думы РФ П. Марданшиным. – URL: <http://pravo.ru/review/face/view/82091/>

77. Beccaria, C. (1988; 1766). *Über Verbrechen und Strafen*. Frankfurt/M.: Insel.

78. Bentham, J. (1962). *The Works of Jeremy Bentham*. Vol. 1. New York: Russell & Russell.

79. Bliesener, T., Thomas, J. (2012). Wirkt Strafe, wenn sie der Tat auf dem Fuße folgt? Zur psychologisch-kriminologischen Evidenz des Beschleunigungsgebots. *ZJJ – Zeitschrift für Jugendkriminalrecht und Jugendhilfe* 23, 382–389.

80. Death Penalty Information Center (2011). *The Death Penalty in 2011: Year End Report*

81. URL: <http://deathpenaltyinfo.org/documents/2011YearEnd.pdf>

82. Dölling, D., Entorf, H., Hermann, D., Häring, A., Rupp, T., Woll, A. (2006). Zur generalpräventiven Abschreckungswirkung des Strafrechts – Befunde einer Metaanalyse. *Soziale Probleme* 17, 193–209.

83. Hirsch, A. von, Bottoms, A.E., Burney, E., Wikström, P.-O. (1999). *Criminal Deterrence and Sentence Severity. An Analysis of Recent Research*. Oxford: Hart Publishing.

84. Hoffmann, H. (1844). *Der Struwwelpeter – oder lustige Geschichten und drollige Bilder*. Frankfurt/M.: Cobet.

85. Kaiser, G. (1996). Kriminologie. Ein Lehrbuch. Heidelberg: C.F. Müller.

86. Kury, H. (1979). Sozialstatistik der Zugänge im Jugendvollzug Baden-Württemberg. Freiburg: Max-Planck-Institut für Strafrecht. Unveröff. Forschungsbericht.

87. Kury, H., Quintas, J. (2010). Sanktionen oder Hilfe? Einstellungen zu Drogentätern – Ergebnisse aus Portugal. Kriminalistik 64, 403-409.

88. Merk, B. (2012). Höhere Jugendstrafe? Zeitschrift für Rechtspolitik – ZRP, Heft 5, S. 157.

В редакцию материал поступил 11.02.13

© Кури Х., Ильченко О., 2013

Информация об авторах

Хельмут Кури, доктор права, профессор, Университет Фрайбурга
Адрес: Friedrichstr. 39, 79098 Frieburg
E-mail: helmut.kury@web.de

Ильченко Оксана Юрьевна, кандидат социологических наук, Дальневосточный федеральный университет
Адрес: г. Владивосток, ул. Суханова, 8
E-mail: Oksil77@mail.ru

Как цитировать статью: Кури Х., Ильченко О. Эффективность наказания: результаты международных исследований // Актуальные проблемы экономики и права. – 2013. – № 2(26). – С. 240–256.

H. KURY,

doctor of Law, professor

Frieberg university, Frieberg, Germany,

O.YU. IL'CHENKO,

PhD (Sociology), associate professor

Far East federal university, Vladivostok, Russia

PUNISHMENT EFFICIENCY: RESULTS OF INTERNATIONAL RESEARCH

Objective: Basing on the analysis of international research data, to show that the atrocity of punishment has an insignificant restrictive and preventive effect on the criminality level.

Methods: The dialectic method was used as the general scientific method of cognition, allowing to study the phenomena and processes of ambient reality in their historical development, as well as specific scientific methods, including the historical-judicial, systemic-legal, social-psychological in various combinations.

Results: Basing on the carried out analysis of a significant volume of works in the sphere of criminal-procedural, criminal, international law, criminalistics, theory of state and law, as well as results of research carried out in the USA, Finland, Germany, Switzerland, Portugal and Russia, the authors have shown the insignificant influence of punishment on reducing of the criminality level.

Scientific novelty: Basing on the analysis of empirical data it is shown that punishment as a means of regulation and prevention of the society member's undesirable behavior has been used since ancient times. The atrocity sanctions were widely used as early as in the Middle Ages. Nowadays the efficiency of punishment implementation is subject to doubt. Alternative sanctions, as a rule, are as successful, and their implementation is cheaper.

Practical value: The theoretical provisions formulated in the research can be used in scientific, law-making and law-enforcement activity, in educational process of higher professional education establishments of juridical sphere, and in up-grading qualification of practical staff and scientific-academic personnel in the sphere of jurisprudence.

Key words: criminal punishment; punishment efficiency; criminality level; imprisonment; release from prison.

Information about the author

Helmut Kury, doctor of Law, professor, Frieberg
Address: Friedrichstr. 39, 79098 Frieberg
E-mail: helmut.kury@web.de

Il'chenko Oksana Yuryevna, PhD (Sociology), Far East federal university
Address: 8 Sukhanova str., Vladivostok
E-mail: Oksil77@mail.ru

How to cite the article: Kury H., Il'chenko O. Punishment efficiency: results of international research, *Aktual'nye problemy ekonomiki i prava*, 2013, No. 2(26), pp. 240–256.

© Cury H., Il'chenko O., 2013